

Ковалев Александр Сергеевич

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Автор статьи предлагает научному сообществу обсудить возможности предлагаемой им методологии изучения качества жизни инвалидов и пожилых людей в учреждениях социального обслуживания. В работе выделены основные направления анализа, раскрывается их подробное содержание, рассматриваются конкретные примеры из практики общественного призрения пожилых людей и инвалидов в Сибири во второй половине XIX - начале XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 75-83. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

3. Гуль Р. Б. Я унес Россию: апология русской эмиграции [Электронный ресурс]. Т. 1. Ч. 9. URL: http://pseudology.org/Gul/Part_01_09.htm (дата обращения: 25.02.2011).
4. Информационный Центр Главного управления внутренних дел МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области: архивная справка № 35/16-25-К-92 от 02.11.2010. Л. 1.
5. Куранова Г. А. Из истории населенных пунктов Пензенской области. М.: Вестник архивиста, 2007. № 1. 285 с.
6. Панчулидзе С. А. Сборник биографий кавалергардов. М.: Минувшее, 2007. Т. 4. 436 с.
7. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 412. Оп. 8.
8. Там же. Ф. 759. Оп. 31.
9. Там же. Ф. 1291. Оп. 122.
10. Там же. Ф. 1284. Оп. 53.
11. Там же. Оп. 51.
12. Там же. Ф. 1349. Оп. 3.
13. Русская Императорская армия: Накашидзе Давид Александрович [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regiment.ru/bio/N/40.htm> (дата обращения: 25.02.2011).
14. Управление Федеральной службы безопасности по Астраханской области: архивная справка № Г-164 от 04.06.2010. Л. 1.
15. Управление Федеральной службы исполнения наказаний России по Архангельской области: архивная справка № 29/ТО/45/1-К-12 от 08.02.2011. Л. 1.
16. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 11. Оп. 1.
17. Там же. Ф. 19. Оп. 127.
18. Там же. Ф. 171. Оп. 2.
19. Там же. Ф. 411. Оп. 3.

**THE SPANISH TAKING SERVICE WITH RUSSIA:
THE DESTINY OF THE LYCEUM STUDENT ALEKSANDR MIKHAILOVICH ESPEKHO**

Vadim Vodoslavovich Kinshin, Ph. D. in Military Sciences
St. Petersburg
VKinshin@etm.ru

Sergei Vadimovich Kinshin
Classical School № 205, St. Petersburg
krestonosec812@mail.ru

The article presents the results of the biographical research of the life of one of the last descendants of the Spanish noblemen Espekho in Russia, the graduate of Imperial Aleksandr Lyceum - Aleksandr Mikhailovich Espekho, Mikhail Espekho's grandson and Agustín de Betancourt's pupil and companion-in-arms. Special attention is paid to the research of A. M. Espekho's activity in different public, Orthodox and charity organizations. A. M. Espekho's destiny is the bright example of the destinies of many lyceum graduates, his contemporaries. This research is especially topical in the year of the celebration of the 200th anniversary of Imperial Aleksandr lyceum.

Key words and phrases: Mikhail Mikhailovich Espekho; Aleksandr Mikhailovich Espekho; Imperial Aleksandr lyceum; Ministry of Home Affairs; Penza province; charitable contributions.

УДК 94(57)

Автор статьи предлагает научному сообществу обсудить возможности предлагаемой им методологии изучения качества жизни инвалидов и пожилых людей в учреждениях социального обслуживания. В работе выделены основные направления анализа, раскрывается их подробное содержание, рассматриваются конкретные примеры из практики общественного призрения пожилых людей и инвалидов в Сибири во второй половине XIX - начале XX века.

Ключевые слова и фразы: методология; богадельня; инвалиды; качество жизни; повседневность пожилых людей.

Александр Сергеевич Ковалев, к.и.н., доцент
Кафедра социальной педагогики и социальной работы
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
alexkovaleff@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ[©]**

Одной из актуальных задач, которые стоят перед страной, является постепенное превращение России в подлинно социальное государство. Сегодня должны быть созданы такие условия, которые будут

способствовать улучшению качества жизни каждого отдельного человека, сделают его существование более комфортным, социальные отношения более справедливыми, способствуя повышению уровня благосостояния в целом. В первую очередь это касается граждан с ограниченными социальными возможностями - пожилых людей и лиц с инвалидностью.

Для этих категорий населения модернизация должна, прежде всего, осуществляться в области социальной заботы, когда общество и государство, безусловно, оценивают вклад человека при переходе его из экономически активных членов социума в разряд нетрудоспособных, а также защищают тех, кто не может вписаться в «здоровое» общество.

Современная Россия призвана стать социально ответственным государством с эффективной системой социальной заботы. Невнимательное отношение к проблемам социальной ответственности в истории нашего общества во многом способствовало возникновению крупномасштабных социальных конфликтов. Чтобы не допустить подобного исхода в нынешних условиях, требуется изучить достижения и ошибки прошлого в становлении системы социального попечительства.

Гарантией стабильности в период модернизации может стать только повышение качества жизни, и в первую очередь инвалидов и пожилых людей. Выбор именно этих категорий населения обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, отношение к старикам и инвалидам как наиболее уязвимым в социальном отношении представителям общества во все времена является показателем цивилизованности общества. Во-вторых, в условиях экологических проблем, влияющих на здоровье, повышается риск инвалидности от рождения, в связи с усложнением производства участились несчастные случаи на рабочем месте, ведущие к ограничению трудовой деятельности, становится все более актуальной возможность полноценной жизни человека с хроническими заболеваниями. Что же касается пожилого возраста, то старение и жизнь в условиях «третьего возраста» - это неотвратимая реальность для каждого человека, поэтому здесь вопросы социального комфорта особо значимы.

Безусловно, общество должно оказывать максимальное содействие тому, чтобы инвалиды и пожилые получали необходимую социальную поддержку в естественной среде обитания, но еще более важно, чтобы были созданы максимальные условия для тех, кто не имеет возможности находиться дома и вынужден коротать свой век в «закрытых» учреждениях.

Одним из подобных учреждений в России долгое время оставалась богадельня, «расцвет» которой как наиболее популярного института общественного призрения пришелся на пореформенный период. После революции она трансформировалась в «инвалидный дом», затем - в «дом-интернат для престарелых и инвалидов» и дошла до наших дней, сохранив свои основные признаки: полный пансион проживающим и «закрытый» статус. Поэтому изучение качества жизни пожилых людей и инвалидов в «закрытых» учреждениях позволит более полно понять исторические корни практики социальной помощи в интернатных учреждениях сегодня.

В связи с поставленной задачей возникает определенная методологическая проблема: по каким основаниям оценивать качество жизни призреваемых в богадельнях и инвалидных домах стариков и инвалидов, которые вряд ли даже задумывались о том, качественными или нет являются оказываемые им в этих учреждениях услуги. Для решения этой проблемы автор статьи предлагает обсудить возможность использования следующего метода: оценить качество жизни инвалидов и пожилых людей, нашедших прибежище в стенах учреждений общественного призрения, поместив их в условия современных социальных стандартов [12; 13; 15; 17; 18], и описать повседневность призреваемых так, как если бы ее определяли современные принципы социального обслуживания. В рамках настоящего исследования это позволит проанализировать, насколько организация социального попечительства инвалидов и пожилых людей в закрытых учреждениях во второй половине XIX - начале XX века соответствовала их потребностям, а также определить жизнеспособность методологической матрицы исторического исследования качества жизни в целом.

Следует сразу отметить, что предлагаемые стандарты были во многом модифицированы с учетом конкретно-исторических обстоятельств общественного призрения пореформенного периода. Было исключено все, чего в принципе не могло существовать в указанные годы (например, медицинское обследование в специально оборудованных кабинетах, обеспеченность призреваемых свободным доступом к сети Интернет или участие в разработке индивидуальной программы социальной реабилитации и т.п.), несколько изменена лексика социального обслуживания. Однако в целом современные требования к организации качественного социального ухода за пожилыми и инвалидами во многом согласуются с аналогичными запросами в исследуемый период.

Изучение качества жизни призреваемых в богадельнях представлено в статье в соответствии со следующей схемой: сначала выделяются основные направления анализа, затем раскрывается их подробное содержание и рассматриваются некоторые примеры из реальной практики. С целью апробирования предложенной методологии исследования были проанализированы условия жизни призреваемых в сибирских богадельнях в 1870-1917 гг. Документальную базу исследования составили в большинстве своем впервые вводимые в научный оборот материалы сибирских архивов (гг. Барнаула, Иркутска, Красноярска, Томска).

Первым критерием анализа должны стать особенности **поступления призреваемого в учреждение**. Здесь особое значение имеют следующие показатели:

- наличие у будущего пансионера информации об учреждении, в котором ему предстоит жить;
- первичная оценка состояния здоровья призреваемого: история болезни, фактическое состояние здоровья, особенности зрения, слуха и разговорной речи, состояние рассудка, необходимость медицинского лечения, степень мобильности, способность регулировать экскреторные функции, необходимость в персональном уходе;

- изучение потребностей поступающего в учреждение: социальные интересы, увлечения, религиозные и культурные потребности.

Искавший призрения должен был знать, какие богоугодные учреждения существуют в той местности, где он проживает, имеются ли в них свободные места, но куда важнее была информированность о том, кто конкретно имеет право на занятие мест в этих учреждениях. Так, параграф 25 «Устава богадельни Т. И. Щеголевой» четко определял, что «на призрение в оную принимаются преимущественно члены купеческих и мещанских семейств г. Красноярска... Лица же прочих же [нрзб] званий из обывателей г. Красноярска принимаются только тогда, когда не будет упомянутых лиц». Так, для крестьянина Т. Васильева это означало, что пока «в богадельне призревается 47 человек, и [среди них] находятся лица мещанского сословия», он право на призрение в богадельне не имеет [4, д. 34, л. 14-15].

Далее каждый призреваемый узнавал о том, в каких условиях ему придется существовать. Например, согласно «Уставу Шушляевской богадельни в г. Томске», «пища, одежда, белье, обувь, постель поставляются равные для всех без всякого преимущества одного перед другим...» [8, д. 11, л. 53]. Кроме того, принятые на призрение лица могли долгое время находиться на испытании. В период этого времени они получали право только на «пользование помещением и содержанием богадельни» и довольствоваться собственным бельем и платьем. Только по прошествии определенного срока лицо, «заслуживающее по своему положению (вероятно, смотрели, действительно ли человек не может обходиться без посторонней помощи и не в состоянии трудиться - А. К.) и нравственным качествам призрения», зачислялось в богадельню [4, д. 40, л. 2].

Что касается первичного медицинского осмотра, то общим для всех поступающих на призрение было обязательное медицинское освидетельствование с предоставлением из местной врачебной управы соответствующего удостоверения с заключением о состоянии здоровья, например: «Пржетульский жалуется на страдание припадками падучей болезни, бывающей через два дня, [после чего он] был... подвергнут испытаниям [из которых стало видно, что он] по болезненному состоянию не способен к личному труду, нуждается в постоянном уходе и надзоре» [7, д. 57, л. 173-173 об.].

О состоянии здоровья призреваемых, направляемых из учреждений здравоохранения, местный приказ общественного призрения мог уведомить старший врач, он же смотритель городской больницы. При этом заключение врача могло выходить за рамки простого медицинского освидетельствования призреваемого и включало в себя также сведения о том, «сколько лет от роду, какой одержим болезнью, способен ли по свойству болезни заниматься хотя бы легкими крестьянскими работами, действительно ли нуждается в постоянном уходе и должен быть помещен в богадельню или же достаточно ограничиться выдачей ему денежного пособия» [6, д. 47, л. 25-25 об.].

Уже при поступлении немощных граждан в богоугодное заведение выяснялись подробности о проблемах с недержанием мочи и кала и предпринимались соответствующие меры. Так, современники отмечали, что в Александровской богадельне г. Барнаула в 1910-х гг. «находится до 15 человек совершенно слабых и калечных, требующих посторонней помощи, которые не в силах дойти до ватера (ватерклозета - А. К.) для отправления естественных потребностей, а потому испражняются в палатах. Отбросы от этих призреваемых убираются сторожем и сиделкой» [2, д. 375, л. 5].

Следующий блок - специфика индивидуального обслуживания проживающих в учреждении:

- уважение личных прав призреваемого, достоинства и соблюдение конфиденциальности (право на уважение со стороны персонала, соблюдение гарантий получения выплат от государства в соответствии с текущим законодательством, поддержание комфорта в проживании и приемлемого физического состояния, соблюдение личных прав каждого человека при совместном проживании);

- процесс умирания и смерть (качество предсмертного обслуживания как отражение качества той жизни, которую прожили призреваемые, соответствующее внимание, облегчение боли и душевных страданий умирающего, профессиональный уход с целью обеспечить максимальный комфорт умирающим людям, уважение последних желаний, возможность общения с представителями местного духовенства, возможность для родственников и друзей умирающего находиться вместе с ним, если он этого хочет, пристойное содержание тела усопшего, соблюдение обрядовых церемоний).

К сожалению, по первому направлению материалов пока не нашлось, есть только отдельные сведения. Например, о том, что в Томских богадельнях специально для больных «...при богадельне учреждается домашняя больница в особых палатах, содержание в коей и лечение богаделенных должно согласоваться с общим наставлением для больниц» [8, д. 11, л. 58].

Зато есть немало информации о том, как пожилые и престарелые доживали свой век. О типичном случае после посещения городской богадельни докладывал в июне 1909 г. на заседании Городского врачебно-санитарного комитета Томский городской врач Н. Г. Гинзбург: «...Заехав в богадельню часов в 7 вечера, я застал Кузнецова (пациента, к которому вызвали - А. К.) еще живого... Означенный Кузнецов лежал на краю кровати на левом боку, причем большая часть левой половины туловища и лица помещалась в узком пространстве между кроватью и стеной. По моей просьбе Кузнецов при помощи посторонних был перевернут на спину, причем оказалось, что Кузнецов находится уже в предсмертной агонии. Пульс едва прощупывался, дыхание было хрипящим, большой был без сознания. Левая половина лица вследствие прижатия к стене была отекающая, особенно левый глаз, на туловище с левой стороны были пролежни. Через 7 часов Кузнецов умер» [Там же, д. 3407, л. 65, 68].

Впрочем, не везде было так - полная невнимательность и равнодушие к предсмертному состоянию человека. В Красноярской богадельне им. Т. И. Щеголевой, по оценке членов попечительского совета, «...при жизни своей заболеваемые раздавали вещи свои собственными руками или продавали, употребляя деньги на разные прихоти, которые не может давать богадельня, как например, на мед, бруснику, огурцы и прочее, что очень естественно, т.к. у больных является желание на какие-нибудь прихоти [при] жизни». Здесь же говорится о моменте умирания и посмертной заботе со стороны соседей-богадельщиков и смотрителя заведения: «Смерть призреваемых большей частью бывает сознательная, из них почти никто не умирает без исповеди и причащения, многие соборуются. Похороны происходят [достойно] и назначаются сорокоусты» [5, д. 31, л. 16].

Третье, самое объемное, направление анализа - **повседневная жизнь и социально-бытовая активность** призреваемых во время проживания в учреждении:

- социальная активность и общение (ненавязчивый распорядок повседневной жизни и деятельности в учреждении, удовлетворяющий предпочтения и возможности призреваемого, самостоятельное планирование повседневной жизни, наличие общественных и личных взаимоотношений, выбор способов отдыха, социальной активности и удовлетворения культурных запросов, возможность отправления религиозных обрядов);

- наличие контактов с внешним миром (возможность поддержания контактов с семьей, друзьями, представителями местного сообщества, возможность в любое время принимать посетителей, возможность участия родственников, друзей и членов местного сообщества в жизни призреваемого);

- автономия и право выбора (право управления собственным проживанием, возможность хранить у себя деньги и ценности, наличие свободного доступа к сданному на хранение имуществу, право на свое собственное имущество и возможность самостоятельно им распоряжаться);

- пища и режим питания (3-4-разовое питание, разнообразная, полноценная, питательная, подходящая и аппетитная пища, соответствующая индивидуальным потребностям и состоянию здоровья, наличие горячих блюд, ежедневно меняющееся меню с правом выбора блюд).

О повседневной жизни сибирской богадельни лучше всего может рассказать распорядок дня из «Правил для призреваемых и увечных Покровского приюта Томского благотворительного общества для призреваемых и увечных», которым определялось, что «все призреваемые... встают весною и летом в 6 часов утра, осенью и зимой в 7 часов утра», время с 7 до 8 часов употребляют «на чай и приведение в порядок постелей и уборку комнат... В 8 часов утра читаются молитвы кем-либо из грамотных призреваемых или же самим смотрителем. Утренний чай в 7 часов, обед в 12 часов, вечерний чай в 4 часа пополудни, ужин в 8 часов, и после ужина читаются вечерние молитвы и призреваемые ложатся спать...». С 8 часов утра до обеда и с 16 до 20 часов все призреваемые были обязаны заниматься посильными работами по указанию смотрителя, которые им должен был подыскать сам смотритель богадельни. Время в перерыве между этими промежутками «полагается на отдых и прогулку по двору». В воскресные и праздничные дни призреваемые должны были ходить в церковь под надзором смотрителя или «благонадежного лица из призреваемых». Отлучаться из богадельни призреваемые могли только с разрешения смотрителя и возвращаться в богадельню были обязаны в назначенное смотрителем время. Также все призреваемые, «кроме калек увечных и слепых, обязаны ходить в столовую обедать, ужинать и чай пить - как утренний, так и вечерний без всяких прекословий» [8, д. 2042, л. 69 - 69 об.]. Легко проследить, что вся жизнь проживающих была строго регламентирована, предпочтения и возможности призреваемого учитывались не слишком, выбора способов активной деятельности и отдыха предоставлено не было, но существовала возможность отправления религиозных обрядов.

Уже упоминавшийся «Устав Шушляевской богадельни в г. Томске» определял «приличные» для проживающих в богадельне занятия: «всякого рода ручные работы, не несущие другим беспокойства, как то: шитье платья и обуви, вязание чулок, шнурков и сетей, пряжение из пеньки и льна, тканье тесьмы, делание щеток и малярных кистей, пеньковых и других кругов для вытирания ног, детских игрушек из бумаги...» [Там же, д. 11, л. 55].

На практике это нередко выглядело так: «Четверо слепых занимаются пряжей ниток, остальные особы женского пола вяжут чулки, некоторые занимаются шитьем. Среди мужчин есть портной и сапожник. Преимущественно работой занимаются женщины» [4, д. 114, л. 39].

Какая-либо досуговая деятельность вообще считалась чем-то ненужным. Так, из инструкции для комитета по заведыванию Королёвской богадельней в г. Томске был исключен параграф о возможности духовно-нравственных чтений, демонстрирования картин, пения и занятий музыкой с формулировкой: «т.к. призреваемые в богадельнях в большинстве случаев нуждаются в полном покое и устраивать в богадельне различного рода пения и музыку не представляется возможным» [8, д. 3633, л. 2 об., 4].

Впрочем, в других губерниях дело обстояло иначе: «выписывается «душеполезное чтение», которое прочитывается ими, как и другие книги, с особенным удовольствием, что предостерегает их от праздности». А когда призреваемые богадельни им. Т. И. Щеголевой в Красноярске попросили членов попечительского совета Е. П. Кузнецову и А. М. Данилову о том, чтобы «завести лампу в мужском отделении и тем дать возможность призреваемым... проводить вечера за чтением полезных книг, т.к. между призреваемыми... есть и грамотные, которые с охотой берут на себя труд чтения для всех, кто только желает слушать», просьба была удовлетворена [5, д. 40, л. 6].

Проблема автономности во время проживания в богадельне во многом упиралась в проблему свободных отлучек из учреждения. Для смотрителя Томской богадельни братьев Королевых Кирилла Гудимовича этот вопрос превратился в настоящее «поле битвы» с призреваемыми. Вот только один из примеров регулярных заявлений, который он направлял в городскую управу: «Призреваемый... Степан Голов неоднократно

самовольно отлучался из богадельни, и нет [его] до сих пор... При жизни в богадельне проявлял своеволие» [8, д. 2042, л. 156]. Подобное своеволие действительно было нарушением правил богадельни: «без ведома смотрителя богадельни никто из заведения отлучаться не должен», тем более что из подобных «отпусков» призреваемые часто возвращались навеселе и пытались пронести с собой выпивку.

Пожалуй, только это вызывало активное противодействие заведующих и смотрителей богоугодных заведений. В остальном призреваемые пользовались определенной степенью свободы: имели право распоряжаться собственным имуществом (как принесенным в богадельню, так и нажитым во время проживания в ней), с разрешения заведующего совершать некоторые покупки, обмениваться вещами с соседями по комнате и т.п. [Там же, д. 11, л. 53].

Безусловно, анализ качества жизни в богадельне был бы неполным без оценки качества питания. Органами призрения устанавливались вполне приемлемые нормы обеспечения: «кроме хлеба, $\frac{3}{4}$ фунта мяса на каждого человека, по 2 фунта в месяц, рыбы по $\frac{1}{2}$ фунта на человека, а в праздники $\frac{1}{2}$ фунта мяса и $\frac{1}{4}$ рыбы и сверх того горох, картофель, каша из крупы гречневой и ячневой. Для приправы горячих блюд назначается морковь, свекла, грибы (даже белые), лук, перец и горчица». Сами призреваемые при личных встречах с членами Попечительского совета богадельни заявляли, что «пища для них приготавливается очень хорошая и в достаточном количестве», да и сами члены совета, и инспектор врачебной управы при посещении богадельни сами нередко осматривали приготовленную пищу и «находили оную на вкус весьма хорошей и здоровой... мясо или рыба приготавливались высшего сорта» [4, д. 86, л. 42-43; 5, д. 11, л. 4 об.].

Четвертый значимый для проживающих аспект - это **предъявление претензий и защита интересов**:

- возможность предъявления претензий (простая и доступная процедура подачи жалоб и предъявления претензий, быстрое и эффективное реагирование на них, а также уверенность в том, что жалобы и претензии будут выслушаны, поняты и по ним будут приняты меры);

- реализация прав проживающих (на получение бесплатных услуг, на помощь в оформлении необходимых документов, на оказание помощи по вопросам пенсионного обеспечения и предоставления других выплат, на содействие в получении установленных действующим законодательством льгот и привилегий);

- осуществление защиты прав и интересов призреваемых (защита от физического, психологического, сексуального насилия, финансового или материального посягательства, пренебрежения и невнимательности, дискриминационного обращения).

Относительно жалоб и претензий нужно сразу отметить, что для изучаемого периода подобная форма выражения недовольства не была слишком распространенной. Во-первых, ни одним уставным документом не была определена возможность подачи официальных бумаг в контролирующие деятельность богадельни органы. А во-вторых, если жалобы и были, то они подавались в устной форме либо самому смотрителю богадельни, либо представителю местной администрации во время посещения последним заведения и касались каких-то отдельных недостатков или проблем, которые можно было разрешить самым скорейшим образом.

Тем не менее можно привести ряд наиболее ярких примеров. В 1884 г. в Попечительский совет Красноярской богадельни Т. И. Щеголевой во время обследования поступила жалоба от проживающих в ней стариков на качество питания. Призреваемые заявляли, что они «получают самую скудную пищу, несмотря на то... на приготовление пищи определена пища весьма хорошая... была приготовлена горошница, которая только название имеет, а подавали только один отвар гороха, не имея в себе ни одной горошины, а каша только помазана маслом» [5, д. 11, л. 4 об.].

Проблема была разрешена достаточно просто: к эконому богадельни Шадрину к тому времени накопилось немало претензий у самого Попечительского совета, и жалоба призреваемых стала последней каплей, после которой заведующего сменили.

Тот же самый Попечительский совет достаточно успешно реагировал и на бытовые проблемы богадельни. Так, обнаружив в финансовом отчете эконома богадельни недостаточную «выдачу мыла призреваемым только на одни бани... т.к. кроме бани призреваемые нуждаются в мыле каждодневно для умывания рук и лица», члены совета решили предупредить возможное появление жалобы и постановили пересмотреть смету на будущий год и «выдавать каждому призреваемому $\frac{1}{3}$ фунта мыла на месяц для повседневного умывания всем призреваемым» [Там же, д. 40, л. 6].

Что же касается реализации прав призреваемых на получение дополнительных видов материальной помощи, положенных им по закону, то сам закон же и ограничивал в их правах. Согласно текущему законодательству, претендент на призрение не мог получать никаких пенсий или пособий, в то же время как и проситель денежного вспомоществования не имел права оставаться в богадельне. Если мест в богадельне не было, то просителю изыскивали возможность получать пособие. И, наоборот, в случае, если город не мог позволить себе выплачивать какие-либо пенсионные суммы, он предлагал вместо денежного довольствия помещенные в богадельню. К примеру, в г. Томске в 1886 г. четыре человека содержались за счет города в городской богадельне, а двое получали денежную «компенсацию», поскольку правом на пенсию или пособие не обладали и в богадельне бр. Королевых место не получили [8, д. 670, л. 7 - 7 об.].

Осуществление защиты прав и интересов призреваемых имело место в основном при разрешении каких-то конфликтов внутри самого заведения. Например, в 1877 г. все призреваемые были вынуждены просить эконома, чтобы он избавил их от присутствия некоей Авдотьи Челищевой, которую «даже к мужчинам селили, она и там всех перессорила», и призреваемые написали эконому: «Просим избавить нас от подобных женщин».

Эконом разобрал ситуацию и в своем донесении в Приказ общественного призрения писал о том, что Челлищева «во все время нахождения ее в богадельне показала сварливый характер, а именно в том, что ...не пройдет ни один день, чтобы она не завела ссоры и неприятности с другими богадельщиками, и за всеми убеждениями никак не исправлялась... выказывая себя на каждом шагу первую, так что несколько раз по просьбе богадельщиков для спокойствия [их] перемещалась она из одной комнаты в другую, и там тоже оказывала несогласие с другими смиренными старушками; ...также завела ссору со старушкой Маргаритой Многогрешновой и другими смиренными по их спокойствию... делала и делает недостоверные и неприличные сплетни между стариками и старушками, выказывает перед всеми свое старшинство и властительство над другими». Заведующий богадельни обратился к Попечительскому совету с просьбой удовлетворить прошение призреваемых, и просьба была удовлетворена [4, д. 2, л. 20 - 20 об.].

Немаловажную роль в жизни человека, вынужденного коротать свой век в «закрытом» учреждении, играет **окружающая среда**:

- здание и прилегающая территория (месторасположение и планировка здания соответствует своему назначению, удовлетворяет индивидуальным и коллективным потребностям проживающих, регулярно осуществляется текущий и капитальный ремонт, прилегающая территория содержится в чистоте, привлекательна и доступна для клиентов и позволяет им проводить время на свежем воздухе, здание отвечает противопожарным требованиям);

- места общего пользования (свободный доступ в места общего пользования, комнаты для удовлетворения духовных, социальных, культурных и религиозных потребностей, столовая, общие гостиные с ярким освещением в комнатах общего пользования, позволяющим читать или заниматься какой-либо другой деятельностью);

- туалеты и условия для мытья (наличие водопровода и канализации, возможность круглый год пользоваться горячей водой, наличие уборных комнат в непосредственной близости от комнаты, наличие ванны, душа, бани со специальными приспособлениями, позволяющими оказывать помощь в процессе мытья маломобильным проживающим);

- средства бытовой адаптации (наличие стеновых поручней, лестничных перил и других опорных приспособлений в коридорах, туалетах, помещениях общего пользования, в жилых комнатах);

- личные жилые комнаты (проживание в безопасных и комфортных комнатах, приспособленных для индивидуальных нужд, с мебелью и оборудованием, гарантирующими комфорт, место для хранения денег и ценностей, возможность проживать изолированно или иметь соседей, исходя из индивидуальных потребностей);

- отопление и освещение (отопление и освещение носят домашний характер, осуществляются круглосуточно, отвечая санитарным требованиям и индивидуальным потребностям проживающих, дополнительное освещение для чтения, наличие естественного проветривания (через окна) и внутренней системы вентиляции, высота окон в комнатах, позволяющая человеку смотреть в окно, сидя на стуле или лежа на кровати);

- гигиена и санитарный контроль (в учреждении соблюдаются чистота и гигиена, прилегающие территории чисты, отсутствуют неприятные запахи, прачечные расположены отдельно от мест проживания, регулярно производится дезинфекция помещений).

Здания, в которых обычно располагались богоугодные заведения, представляли собой одно-, двухэтажный каменный дом с одноэтажным флигелем и дополнительными дворовыми постройками. Внутри заведения можно было встретить шкафы для собственных вещей призреваемых с замками и номерами к каждому шкафу, прикроватные шкапки, аптечный шкаф, железные кровати со значками для надписи имен и фамилий призреваемых, кухонную мебель, письменные столы, мягкие стулья и табуретки, зеркала. Для «труднобольных призреваемых» в богадельне Т. И. Щеголевой был построен дополнительный каменный флигель со специальной комнатой для временного хранения тел умерших [Там же, д. 1767, л. 1-5; 5, д. 11, л. 21-28].

Впрочем, в других местах дело обстояло иначе. В 1909 г. томский городской архитектор Т. Фишель писал в городскую управу, что «каменное здание богадельни имени Королёва имеет многочисленные трещины в стыках и перемышках всех этажей... [крыльцо] совсем отходит, и все здание... требует значительных и дорогостоящих работ, таких как подводка фундаментов под все стыки, закладка железных балок, переладка всех перемычек и арок...». Также главный архитектор отмечал, что в богадельне нет ни помещений для прогулок, ни столовой, ни даже ванных комнат. Кроме того, Фишель советовал «...добавить по два окна в первом и втором этажах, ввиду того, что имеющиеся два окна выходят в проезд и шириной всего в две сажени, поэтому света... недостаточно» [8, д. 3206, л. 9, 28].

Для освещения комнат чаще всего использовались сальные свечи, в коридорах стояли (висели) лампы. Конечно же, для полноценного освещения этого было недостаточно, и смотритель Александровской богадельни г. Барнаула в одном из своих рапортов даже сообщал о негативных последствиях нехватки света для призреваемых: «Приближается осень, наступают короткие дни, это самое худшее время для призреваемых, которые, лишённые освещения, становятся прямо мучениками. В короткий день они должны засветло производить свои скудные трапезы, чтобы не израсходовать лишнего керосину, следствием несвоевременного употребления пищи являются желудочные боли... В движении призреваемый вследствие своей дряхлости ограничен, да же пройтись по коридору для него рискованно - то он стукнется впотьмах лбом о стену, то ногой заденет за какой-нибудь предмет, то ушибет глаз... отчего нередки бедняги сидят с шишками от ушибов и охают». И далее смотритель описывает, что придумали сами проживающие, чтобы устроить свое освещение: «...То масло, которое выдается к каше, призреваемые начали употреблять на жирушки, и в палатах то там, то здесь замелькали огоньки». Безусловно, подобное изобретение было крайне небезопасным в пожарном отношении, да и

сами призреваемые скоро поняли, какую ошибку совершили: их «лучины» производили «сморд и копоть по всему зданию. Воздух становится невозможно удушливым, то и дело [старика] жалуются на головные боли». Единственный выход из сложившегося положения смотритель видел во введении электрического освещения. Опытный заведующий подсчитал, что для этого потребовалось всего 36 лампочек, однако для богадельни начала XX в. это была непопозволительная роскошь [2, д. 377, л. 107-108].

Отопление осуществлялось через использование голландских и русских печей (в связи с чем существенной проблемой долгое время оставалось снабжение богоугодных заведений дровами) [8, д. 11, л. 8].

О соблюдении в богадельне чистоты обычно говорилось уже во время открытия заведения, когда составлялся его устав. К примеру, в «Правилах проживания в богадельне им. бр. Королевых» говорилось, что «богаделенные палаты, лестницы и двор должны быть всегда в чистоте, палаты в надлежащее время выметать и освежать воздухом, постельное белье богаделенных иметь всегда в порядке. Кухонную и столовую посуду ежедневно отмывать тотчас после обеда и ужина, содержать оную в чистоте и опрятности. Наблюдать, чтобы белье, платье и обувь содержаемы были в надлежащей чистоте, опрятности и бережливости» [Там же, л. 54].

В действительности же отсутствие вентиляции, естественного проветривания, скопление в одном месте дюжины больных людей, источающих специфические запахи, наличие маломобильных призреваемых, которые справляли естественные надобности в своей постели, а экскременты не всегда вовремя убирались служащими заведения - все это приводило к тому, что о чистоте в богадельных палатах можно было только мечтать. Хотя, как отмечал санитарный врач г. Иркутска А. Красиков, инспектировавший приют для призрения бедных им. М. А. Сибирякова в 1902 г., соблюдение чистоты и гигиена во многом зависели от самих призреваемых. Он приводил в качестве примера ситуацию, когда в одной палате вместе проживали 10 старушек, которые сами стирали свои вещи, сами убирались в палате и старались всеми силами поддерживать чистоту, несмотря на то, что в их комнате чадила печь и была сломана система вентиляции [3, д. 1810, л. 18-22].

Для качества жизни призреваемых немаловажным показателем является правильная организация самого призрения, поэтому следующим критерием следует считать особенности **управления учреждением общественного призрения**:

- администрирование (руководитель учреждения имеет соответствующую квалификацию и опыт, гарантирующие выполнение всех требований, относящихся к работе учреждения, владеет знаниями об особенностях здоровья и психологических особенностях, свойственных проживающим, обеспечивает финансовую деятельность учреждения в интересах проживающих в соответствии с принятыми правилами или требованиями);

- деятельность специально подготовленных сотрудников (работники учреждения должны быть способны работать с людьми с высоким уровнем физической зависимости, страдающими старческим слабоумием, а также способны оказывать качественный медицинский уход, выполнение любых функций работниками учреждения в интересах проживающих, дежурство в ночное время, работа в выходные и праздничные дни);

- деятельность хозяйственно-обслуживающего и младшего персонала (обеспечение стандартов питания, содержания учреждения и прилегающих территорий в чистоте, порядке, выполнение требований гигиены, обеспечение безопасности);

- наличие определенных традиций и гарантий качества призрения в учреждении (ознакомление проживающих и сотрудников с правилами проживания в учреждении, открытая и позитивная атмосфера, ведение документации, защищающей права и интересы призреваемых в учреждении, наличие обратной связи с призреваемыми и персоналом, постоянно осуществляемый контроль за выполнением персоналом учреждения своих функций в интересах призреваемых).

Конечно, ни о какой специальной подготовленности и квалификации ни у руководителя богоугодным заведением, ни у персонала в исследуемый период речи быть не могло, однако человек, вступавший в должность смотрителя (заведующего, эконома) богадельни, заключал договор с соответствующими органами общественного призрения или напрямую с городской администрацией, в котором были обозначены основные требования к исполнению обязанностей. Так, красноярский мещанин Павел Иванович Попов, 7 мая 1884 г. ставший экономом богадельни Т. И. Щеголевой, подписывался в том, что принимает на себя определенные обязательства: «...а) закупка, хранение и выдача материалов, припасов и всех потребностей для богадельни... б) наблюдение за строением и целостью принадлежащего богадельне имущества... г) наем и увольнение прислуги по заведению, доводя о всякой перемене до сведения Попечительского совета; д) иметь надзор за призреваемыми; е) наблюдение за порядком и чистотой в заведении; ж) извещение врача о заболевающих, а также приглашение священников для выполнения богослужения» [5, д. 11, л. 29 об. - 31].

Неудивительно, что такой заведующий знал обо всех нуждах богадельни. Только такой, заинтересованный смотритель мог поставить вопрос о том, что одной няньки на всех призреваемых не хватает, и предложить Попечительскому совету внести в сметы расходы на жалование и содержание второй няньки [Там же, д. 40, л. 5]. Только такой смотритель мог жить душа в душу с призреваемыми, и его труд оценивали должным образом: «Экономом богадельни П. И. Попов со дня вступления на службу усердием к оной оказал учреждению этому значительные услуги по выполнению Правил богадельни и поручений членов Попечительского совета... делали одобрительные отзывы призреваемые...» [4, д. 86, л. 42-43].

Наверное, недаром Щеголевская богадельня считалась одним из «привилегированных» богоугодных заведений, и дело здесь было не в организации питания или обеспечении призреваемых вещами и койко-местом, а в создании благоприятной атмосферы в учреждении. Нередко, если этой самой атмосферы в богадельне не было, повседневная жизнь заведения превращалась в настоящую войну между смотрителем и

проживающими. Именно так произошло в Томской богадельне бр. Королевых, во главе которой в начале 1900-х гг. стоял уже упоминавшийся К. Гудимович, который в каждом призреваемом, не подчинявшемся его воле, видел пьяницу или дебошира и с завидным постоянством писал в Томскую Городскую управу рапорты о безнравственном поведении своих подопечных: «Веканов Василий Маркелович... был из богадельни исключен за пьянство и дебоширство... Во второй раз принят Управой в сию богадельню... за пьянство и дебоширство был [снова] исключен... снова был принят в богадельню... по собственному желанию вышел из богадельни... в четвертый раз был принят Управой в Королёвскую богадельню, в которую явился пьяный, и по настоящее время не отрезвляется. Вот какой... старик, жаловавший на меня в редакцию «Сибирской Жизни», будто бы я выгнал его из богадельни за то, что он не мог копать огород».

Гудимович в каждом своем послании городской управе жаловался: «...Лука Копелев... наносил мне оскорбления самые грубые... самыми невыносимыми оскорблениями: воров, мошенником и прочими обидными словами...», «...не все призреваемые ужинают в столовой», «...на мой порядок получается ответ: “что мы, арестанты, чтобы выполняли твои распоряжения”...», «...богадельня Королёвская... вертеп самопроизвола... не в первый раз приношу жалобу на беспорядки, творящиеся призреваемыми в ихний самопроизвол» [8, д. 2042, л. 102-102 об.].

Безусловно, и Веканов, и Копелев должны были соблюдать правила проживания («Богаделенные должны жить в трезвости, тишине и миролюбии...»). Однако «Инструкция для комитета по заведыванию Королёвской богадельней» строго предписывала смотрителю «при неисполнении правил внутреннего распорядка призреваемыми... делать виновным замечания, выговоры, лишать их права отлучаться из богадельни и, наконец, представлять к исключению из числа призреваемых». Могло быть и такое наказание: «За проступки, общему порядку противные, богаделенные подвергаются, сообразно летам и состоянию здоровья их, содержанию на хлебе и воде или употреблению в работе в самой богадельне...» [Там же, д. 11, л. 54-54 об.; д. 3633, л. 2 об.].

Исключение из богадельни рассматривалось как исключительная мера, однако того же Веканова четыре раза увольняли и принимали обратно. Это было возможно только потому, что члены управы долгое время верили Гудимовичу, и только после его отставки по состоянию здоровья выяснилась истинная роль самого смотрителя.

Как только поменялся смотритель богадельни, атмосфера в заведении сразу изменилась, и некоторые из попавших под горячую руку Гудимовича были «реабилитированы». Так, новый смотритель И. Злобин доносил городскому голове Томска И. Некрасову о деле некоего Непомнящего, по поводу которого были собраны самые разные сведения. Одни утверждали, что «Непомнящий иногда напивался, но как человек был порядочным, поводом же к исключению его из богадельни было то обстоятельство, что он предполагал о царящих в богадельне порядках жаловаться Господину Губернатору и поместить в газете статью, черновую которой передал смотрителю». Другие же характеризовали его как «человека беспокойного, занимающегося разными доносами и пререканиями со смотрителем и прислугою, вечно недовольного». Градоначальник поручил городскому ревизору проверить сведения, тот провел настоящее дознание и выяснил, что «...Непомнящий как человек вообще и как товарищ в частности был вполне хороший - смирный. Причина исключения из богадельни Непомнящего была та, что в то время смотрителем был Гудимович, который со всеми призреваемыми обращался скверно, словом, живой псих. Жаловавшийся [больше] всех Непомнящий в то время написал какое-то письмишко о том, что происходит в богадельне, и что хорошо бы напечатать в газете. Вот тогда-то... он был взят Гудимовичем, и он очернил Непомнящего» [Там же, д. 2035, л. 66-67].

Городской голова постановил принять Непомнящего обратно. Так была поставлена последняя точка в вопросе об истинном лице прежнего смотрителя. И. Злобин же стал исполнять свои обязанности более ревностно и старался управлять богадельней в интересах призреваемых.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что предложенную методологию исследования качества жизни пожилых и инвалидов в закрытых учреждениях можно считать вполне оправданной и аргументированной. Она позволяет изучить проблему функционирования закрытых учреждений с позиции тех людей, для кого они были предназначены. Представленные примеры, конечно, не полностью отражают возможности, которые методология открывает для исследователя, однако при надлежащем ее использовании все представленные аспекты качества жизни призреваемых в заведениях для нетрудоспособных могут быть должным образом проанализированы и представлены в обобщенном виде. Кроме того, она может быть использована для изучения качества жизни проживающих в инвалидных домах 1920-1930-х гг., в домах-интернатах для инвалидов и престарелых, которые пришли им на смену после Великой Отечественной войны. Это во многом позволит восстановить целостную картину социальной помощи и социального обслуживания нетрудоспособного населения в России в XIX-XX вв.

Список литературы

1. **Безгин В. Б.** Крестьянская повседневность: традиции конца XIX - начала XX века. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. 304 с.
2. **Государственный архив Алтайского края (ГААК).** Ф. 51. Оп. 2.
3. **Государственный архив Иркутской области (ГАИО).** Ф. 70. Оп. 1.
4. **Государственный архив Красноярского края (ГАКК).** Ф. 161. Оп. 2.
5. **Там же.** Ф. 166. Оп. 1.
6. **Там же.** Ф. 518. Оп. 1.
7. **Там же.** Ф. 522. Оп. 1.
8. **Государственный архив Томской области (ГАТО).** Ф. 233. Оп. 2.
9. **Дерюжинский В. Ф.** Общественное призрение у крестьян. СПб., 1899. 158 с.

10. **История благотворительности на Алтае** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.barnaul-altai.ru/info/barnaul/blagotvor.php> (дата обращения: 23.03.2011).
11. **Макаренко Т. И.** Социальная деятельность государственных органов и общественных организаций Российской империи по поддержке людей пожилого возраста (1890-1910 гг.): историческое исследование: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. 25 с.
12. **О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов:** Федеральный закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ (ред. от 22.08.2004) // Новое в законодательстве о льготах: сб. документов. М.: Омега-Л, 2006. Вып. 5. С. 70-83.
13. **Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации:** Федеральный закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ (ред. от 23.07.2008) // Там же. С. 6-13.
14. **Панченко А.** Образ старости в русской крестьянской культуре // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 265-273.
15. **Саньял А.** Стандартизация социального обслуживания в Великобритании // Социальное обслуживание. 2010. № 1. С. 90-108.
16. **Смолькин А.** Исторические формы отношения к старости // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 253-264.
17. **Социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов в учреждениях стационарного типа: минимальный стандарт** // Социальное обслуживание. 2007. № 2. С. 32-53.
18. **Социальное обслуживание населения:** национальный стандарт Российской Федерации (2009) [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 23.03.2011).

TO THE QUESTION ABOUT THE METHODOLOGY OF THE HISTORICAL ANALYSIS OF LIFE QUALITY IN SOCIAL SERVICE INSTITUTIONS

Aleksandr Sergeevich Kovalev, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Social Pedagogy and Social Work
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev
alexkovaleff@yandex.ru

The author of the article suggests scientific community discussing the opportunities of the offered methodology of studying the quality of life of disabled and elderly people in the institutions of social service. In the article the basic directions of the analysis are singled out, their detailed content is revealed, concrete examples from the practice of public charity of disabled and elderly people in Siberia in the second half of the XIXth - at the beginning of the XXth centuries are considered.

Key words and phrases: methodology; almshouse; disabled people; life quality; everyday life of elderly people.

УДК 94(47).084:351.821

Статья посвящена государственному регулированию метрологии в первые годы Советской власти. Основное внимание уделено рассмотрению законодательства в области метрологии данного периода.

Ключевые слова и фразы: измерительное хозяйство; метрологический надзор; метрология; поверка и клеймение средств измерений; государственные метрологические органы.

Иван Анатольевич Мартюшев

Институт языка, литературы и истории

Уральское отделение Российской академии наук, г. Сыктывкар

slx00@rambler.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕТРОЛОГИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ[©]

Государственное регулирование метрологии осуществляется посредством законодательного закрепления комплекса взаимосвязанных и взаимообусловленных общих норм, требований и правил, направленных на обеспечение единства измерений и единообразия средств измерений, подлежащих регламентации и контролю со стороны государства. Метрология зародилась достаточно давно, и первые предпосылки ее появления начали складываться еще до периода образования Русского централизованного государства. Существуют документальные свидетельства того, что попытки упорядочить измерения на Руси начали предприниматься уже в X в. - во время активного развития ремесел, строительства, торговли [13].

Довольно обширный материал по истории досоветского периода развития метрологии содержится в монографии Н. А. Шостыгина «Очерки истории русской метрологии: XI - начало XX века» [17].

Однако основы государственной метрологической службы были заложены лишь в 1842 г. Положением о весах и мерах, которое вводило единую систему мер на всей территории России и учредило в Санкт-Петербурге первое государственное метрологическое поверочное учреждение - Депо образцовых мер и весов [5]. В 1893 г. Депо образцовых мер и весов было реорганизовано в Главную палату мер и весов [2].